

ОТЗЫВ официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Линько Аллы Васильевны на тему «Греческие и латинские топонимы Равнинной Киликии: филологический анализ» по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология

Рецензируемое диссертационное исследование посвящено комплексному описанию топонимии исторической области Равнинная Киликия в Малой Азии. Автором чётко обозначены границы исследования и основания для их выбора: Равнинная Киликия, в отличие от Гористой Киликии, пережила несколько волн заселения в различные исторические периоды, в силу чего её топонимия носит существенно более лингвистически разнородный характер и представляет значительный интерес с точки зрения диахронных исследований.

Работа состоит из введения, трёх глав и заключения. Первая глава представляет собой ёмкий очерк истории исследуемой области с древнейших времён до 1517 г. н.э. в связи с изменениями этнического состава её населения (раздел 1.1), с особым вниманием к свидетельствам о её освоении греками (раздел 1.2), а также включает в себя подробную характеристику письменных источников, в т.ч. эпиграфических и нумизматических, на данные которых опирается исследование (раздел 1.3).

Вторая глава состоит из четырёх разделов. В разделах 2.1-2.2 каталогизирован выступающий непосредственным объектом рассмотрения греческий и латинский (т.е. поддающийся этимологизации на греческой или латинской почве) топонимический материал, дополнительно подразделяемый по типу обозначаемого объекта (оиконимы, оронимы, пелагонимы, потамонимы, хоронимы) и описываемый по следующей схеме:

- анализируемый топоним в греческом/латинском написании + в передаче на русский язык;
- «локализация» – точные географические координаты именуемого объекта с указанием на его административно-территориальную принадлежность в границах современной Турции;
- «фиксации и контекст» – перечисление форм/написаний, в которых засвидетельствован топоним, с хронологическими пометами, сопровождаемое развёрнутым обзором аттестаций в письменных памятниках, по необходимости с уточнениями источниковедческого порядка;
- «этимологизация» – собственно этимологический комментарий.

Раздел 2.3 посвящён обобщающей дескриптивной характеристике вышерассмотренных топонимов в хронологическом, лексико-семантическом, морфолого-словообразовательном отношениях, в том числе моделей образования двусоставных топонимов; применительно ко всему корпусу топонимов Равнинной Киликии такое описание осуществлено впервые. В подразделе 2.3.2.3 в порядке особого экскурса типы киликийских топонимов- словосложений, описанные в предшествующих подразделах, сопоставляются с аналогичными по структуре микенскими двусоставными именами. Раздел 2.4 содержит специальный комментарий относительно проблемы выявления возможных следов «народов моря» в топонимии исследуемой области.

Третья глава также состоит из четырёх разделов: раздел 3.1 содержит каталог топонимического материала негреческого и нелатинского происхождения, описываемого по той же схеме, что и греческие/латинские в разделах 2.1-2.2; в разделе 3.2 представлена итоговая классификация топонимов по языку-источнику; раздел 3.3. посвящён стратегиям адаптации

заемствованных топонимов в греческом языке наконец, в разделе 3.4 приводится информация о переименованиях географических объектов на территории Равнинной Киликии в эллинистический и римский период (и обратных переименованиях впоследствии).

Работа снабжена подробными указателями, наглядными схемами и таблицами, содержащими характеристики анализируемого материала по различным качественным и количественным критериям. Обширен список литературы (318 позиций), включающий в себя в т.ч. 112 источников.

В рамках исследования проведён внушительный объём работы по сбору и систематизации сведений о топонимах Равнинной Киликии; полученный в результате корпус данных по полноте охвата превосходит предшествующие аналогичные опыты. Благодаря стандартизированной схеме представления материала автором создан, в сущности, прообраз этимологического словаря топонимов отдельной местности, вполне способный лежать в основу полноценного издания словарного типа. Разработанная схема может быть, при условии учёта некоторых высказанных ниже замечаний, применена для описания систем топонимов других местностей в целях их лексикографической кодификации.

Основные замечания сводятся к следующему:

- 1) В основе принятой в работе классификации топонимов лежит их происхождение из греческого или латинского языков в противоположность происхождению из любых других языков. Такой выбор основания для группировки делает уязвимым положение в классификации некоторых рассмотренных случаев, в первую очередь – тех, для которых подтверждается или допускается негреческое происхождение с народно-этимологической аккомодацией в

греческом. Следствием этого, в свою очередь, способна оказаться непоследовательность трактовок тех или иных топонимов: так, Μυρίανδρος на сс. 69, 212 идентифицировано как негреческое по происхождению слово (что вполне оправдано формой Μυρίανδος), на греческой почве переосмыщенное по народной этимологии как сложение μυρι- + -ανδρ-, т.е. ‘многолюдный’, однако на сс. 116, 118, 121, 205 оно же рассматривается как собственно греческое образование без каких-либо оговорок насчёт лежащей в его основе народной этимологии (вероятно, исходя из презумпции того, что в сознании носителей языка топоним был полностью неотделим от прилагательного, с которым отождествился в порядке переосмысления). При этом Μαλλός, Άμανός и др. приводимые на с. 210 случаи народно-этимологических отождествлений иноязычных топонимов с греческими апеллятивами последовательно определяются как негреческие по происхождению. На сс. 210-211, наряду с этими последними, Μυρίανδρος вновь причисляется к примерам адаптации по народной этимологии. Представляется, что имело бы смысл вынести такие случаи в особую «промежуточную» главу, более строго отграничив их от бесспорно греческих примеров. Потребность в особом учёте потенциальных результатов народной этимологии тем существеннее, что и для топонимов, на первый взгляд определяемых как несомненно греческие по происхождению, не исключена до конца возможность проникновения в язык посредством народно-этимологической аккомодации неизвестного негреческого прототипа (такой сценарий можно допустить, например, для Ὁρεσιβέλος, принимая во внимание отмеченную автором нетипичность второго компонента сложения). Топоним же Ταρσός

определенno должен был обсуждаться не во второй, а в третьей главе работы, поскольку автором (с. 48, 202) принимается версия его анатолийского происхождения (и она убедительна: лежащее в его основе анатолийск. *tarša- ‘череп’ весьма эффективно подтверждается греч. калькой Κρανία). То же относится и к нескольким другим топонимам: Oeniandos – хеттского происхождения, Кастáвала – лидийского, Píνарος, Pinare – возможно, ликийского, Ἰσσοί – западносемитского, Ἀνάζαρβа – возможно, иранского; во вторую главу они попали на том основании, что рассматриваются заодно с позднее сменившими их собственно греческими/латинскими названиями тех же самых объектов. В связи с этими примерами требует пересмотра вопрос о целесообразности включения разных наименований одного и того же объекта в один параграф при явной лингвистической неоднородности их происхождения.

- 2) Автор оперирует понятием «субстрат» в том числе с целью указать на предполагаемое происхождение того или иного рассматриваемого наименования из некоторого, не всегда определяемого точнее языка догреческого населения исследуемой области (в противоположность исконно греческому происхождению) и применительно к ряду этимологически тёмных примеров полагает достаточным ссылаться на происхождение их из неохарактеризованного «субстрата» (напр. сс. 70, 158, 167, 173, 176, 180, 183, 195, 201, 203). Было бы чрезвычайно желательным в каждом таком случае прямо уточнять предполагаемый язык субстрата либо невозможность его идентифицировать, избегая, таким образом, употребления термина «субстрат» в качестве замены признанию затруднённости языковой атрибуции. К тому же автор, по-видимому, различает топонимы «субстратного» и топонимы вовсе

неизвестного происхождения (*Buchequia*, *Σερέτιλις* и др.) – стоило бы эксплицировать основания для этого различия. Равным образом схема деривации «субстратный корень + топонимический суффикс» (с. 69,ср. также на сс. 173, 176, 180) не учитывает, что суффикс с необходимостью принадлежит некоторому, опознаваемому или нет, но конкретному языку, следовательно, в первую очередь она требует ответа на вопрос, принадлежит ли этому же языку «субстратная» производящая основа или речь идёт о заимствованном продуктивном топоформанте.

3) Ряд частных замечаний, возникающих по ходу чтения:

C. 4: «Рассматриваемая территория имеет чётко выраженные природные границы, в то время как античная топонимия Равнинной Киликии отличается гетерогенным характером...» – судя по всему, неоткорректированная автором формулировка: слова «рассматриваемая территория» относятся к Равнинной Киликии, так что противопоставление «в то время как» не к месту.

C. 20: «...ономастика и топонимия отрицают сколько-нибудь значительное присутствие финикийцев...»: вероятно, имелось в виду «антропонимия и топонимия»?

C. 38: «*αἴγαι* < *αἴγες*: *κύματα* ‘барашки (досл. ‘козлики’)»: вернее – ‘козочки’ (ἢ *αἴξ*).

C. 51 и эпизодически далее: используется написание топонимов малыми прописными – носит ли оно характер условного обозначения, не оговорённого особо?

C. 57: в связи с топонимом хеттского происхождения *Oeniandos* можно добавить, что его первый компонент предположительно испытал влияние собственно греч. *οἶνος* ‘вино’ (ср. сказанное на с.

147, а также греч. οἰνόεις, -εντος – генетический эквивалент хетт. *wiyana-want(a)-*, к которому возводится Oeniandos).

С. 63-64: в связи с этимологией топонима Кассідэрә қтїма, вероятно, стоило бы упомянуть и мифоним Кассаңдра, макед. антропоним Кассаңбрөс, с этимологически проблемным первым компонентом сложения при прозрачном втором.

С. 77-78: подраздел 2.1.2. «Хоронимы» представлен единственным вхождением – Πεδιάς, т.е. «Равнинная», составной частью наименования территории в отличие от Киликии Гористой (Τραχεῖα). Возникает вопрос, в какой мере оправдано вынесение Πεδιάς в особый пункт, если приводимые контексты не подтверждают его субстантивации и систематического самостоятельного (не в качестве определения к Κιλικία) употребления. Ср. сс. 4, 129 диссертации, где используются написания πεδιάς и τραχεῖα со строчной буквы, предположительно указывающие на то, что автор расценивает оба эти слова как определения.

С. 79-80: этимологический разбор топонима Ἀλήϊον πεδίον зиждется на изложении догадок, выдвинутых античными авторами, недостаёт итоговой критической оценки их возможной достоверности либо недостоверности: ср. случаи Μαλλός, Ἄμανός, Σόλοι и другие, применительно к которым античная этимологическая традиция опровергается позднее выявленными сведениями о происхождении топонима. Если топоним в новейших исследованиях не получал какой бы то ни было этимологии (помимо кратко упомянутой со ссылкой на Л. Згусту гипотезы о связи с ἀλέα ‘теплота’), это обстоятельство также стоило отметить явным образом.

Неопределенность этимологических выводов на с. 80 вступает в противоречие с безоговорочным принятием античных толкований этого топонима далее по тексту работы (с. 109, 118, 121, 128, 129, 137, 205).

С. 82: недостаточно точная формулировка – Ἀνδρικλος / Ἀνδροκος, очевидно, не производно «от... ἀνήρ, ἀνδρός», а лишь вторично ассоциировано с этим греческим словом – как верно указано автором, «в результате переосмыслиния и вторичной этимологизации». Ниже (с. 220) Ἀνδροκος трактуется как результат позднего преобразования из Ἀνδρικλος, по-видимому, на основании относительной хронологии их засвидетельствования: не стоило ли оговорить это уже при этимологическом разборе?

С. 91-92: «Некоторые латинские топонимы... — это прозрачные переводы исконных греческих названий...»: утверждение не вполне относится к примерам, призванным его проиллюстрировать, т.к. в перечисляемых случаях переведены не топонимы целиком, а лишь родовые понятия или определения, входящие в их состав: Κιλικία Πεδιάς – Cilicia Campestris; Αλήιον πεδίον – Campi Alei; соответственно, только к этим понятиям/определениям, а не к топонимам в целом, относится приводимое ниже наблюдение касательно отражения в латыни греческой семантики в случаях, когда таковая прозрачна. Примером полного перевода / кальки мог бы служить, например, случай Μελάντιον ὄρος, Μαῦρον ὄρος, Μέλαν ὄρος : лат. Montana nigra. Отметим также, что точность передачи греческих топонимов средствами латинского языка, которую автор здесь особо

подчёркивает, вполне отвечает стандартным моделям адаптации заимствований из греческого в латынь.

С. 122, сноска 266: при перечислении славянских ойконимов следовало бы разграничить названия с исконно славянскими основами от очевидных заимствований вроде *Чебоксары*, *Ессентуки*, либо обобщить их иначе: фактически приведены примеры ойконимов *pluralia tantum* в современном русском языке без учёта их происхождения.

С. 133: «в сознании носителей топонимы... воспринимаются...» – предпочтительно было бы сказать «воспринимались», учитывая ретроспективность изложения.

С. 167: «Предложенная этимология из др.-греч. λάμος ‘горло’, несмотря на одноимённый топоним в Беотии и схожесть с греческим словом, кажется случайным созвучием ввиду сходства расположения хеттского и античного топонимов» – неясная формулировка: что имеется в виду под «сходством расположения»?

К замечаниям технического характера прибавим ещё, что отдельные тезисы, по необходимости приводимые более чем однажды, не всегда согласованы между собой на предмет избегания повторов, близких к дословным. Так, предложение «Античная традиция, берущая свое начало от Геродиана, связывает название горы с греческим мифом об Оресте, трактуя 'Аманов' как 'лишенный безумия'...» (с. 189) практически слово в слово воспроизводится ниже на с. 212; аналогичным образом цитирование этой же версии из другого источника на с. 187-188 («Так, согласно схолиям к Ликофону, прежнее название горы — Μελάντιον ὅρος 'Черная гора' — было изменено на Аман после избавления Ореста от безумия...») дублируется на с.

214. Представляется, что повторные упоминания этой трактовки были бы уместны в более сжатом виде.

Замечены единичные досадные опечатки явно случайного характера: «*Paek*» вм. *Peak* (с. 90), «Пемпейóполь» вм. Помпейóполь (с. 100, 179), «отельным» вм. «отдельным» (с. 105), «зыках» вм. «языках» (с. 203), «Азий» вм. «Азии» (с. 229). Несмотря на это, в целом работа производит весьма благоприятное впечатление в плане грамотности и стилистики.

Из гл. 2.3-2.4, 3.3-3.4 и Заключения, как кажется, следует имплицитный вывод, что топонимия Равнинной Киликии эллинистического и римского периодов «идёт в фарватере» общих особенностей эллинистическо-римской топонимии – представляется, что он заслуживает быть акцентированным в более явном виде, т.к. для обобщающей характеристики существенен сам по себе.

Сделанные замечания ни в коей мере не умаляют сильных сторон работы и, как представляется, носят устранимый по мере дальнейшей разработки темы характер. Исследование вполне достигает поставленной цели – дать целостное и всестороннее описание засвидетельствованной топонимии Равнинной Киликии как системы.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени

кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Линько Алла Васильевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук, ученый секретарь отдела этимологии и ономастики ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН», научный сотрудник

Сергеева Ольга Михайловна

06.11.2025

e-mail: etymol@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Адрес места работы: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, отдел этимологии и ономастики

Телефон: +7 (495) 695-26-60 ruslang@ruslang.ru

Подпись сотрудника ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН Сергеевой О.М. удостоверяю: